

Глава III

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

§ 1. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Вопрос об устройстве традиционного ингушского общества довольно запутан, так как в источниках даже одного периода часто представлена противоречивая информация. Впрочем, это можно объяснить переходным состоянием ингушского общества в XVIII — первой половине XIX в. в целом. В общих оценках общественного строя ингушей в XIX в. существуют устойчивые формулировки.

Тайпы и фамилии

В рассматриваемый период в ингушском обществе существовали патриархальные роды — *тайпы*. Отличительными признаками такой родовой организации были: коллективная собственность на средства производства; совместный неоплачиваемый труд; имевший добровольный характер — *белхи*; равномерное распределение продуктов и территориальная общность.

По Б.К. Далгату, все, кто находится вне *тайпа*, — чужие, они не являются родственниками для лиц, которые входят в состав *тайпа*. Между двумя *тайпами* нет ничего общего, связующего, кроме общности языка, соседских отношений и племенной связи¹.

Все члены *тайпа* носят название *вежерий*, что означает «братья», как писал У. Лаудаев². Фамильное братство — особый тип родства.

---

¹ Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом // ИИНИИ. Владикавказ, 1934. Вып. II. С. 26–63.

² Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. 1872. № 6. С. 36.

«Фамильные братья не связаны узами кровного родства, но, соединившись некогда для защиты своих общих интересов, они продлили этот союз до настоящего времени», — отмечал Н.Ф. Грабовский. По Б. Далгату, «каждая фамилия имеет фамильное прозвище по имени предка, особенно плодового; случается чаще так: живут несколько братьев, и вот один из них особенно счастлив — имеет большое потомство; его потомство тогда оставляет общую родовую фамилию и называется по имени этого плодового ближайшего предка (иногда даже при его жизни). Так старая фамилия покидается потомками. У ингушей теперь существуют фамилии по имени предка от 4 до 15 колена. Фамилию меняют обычно сами родственники еще при жизни того, чье имя дает начало фамильному прозвищу; это делают они для отличия себя от других однофамильцев...»³

Фамилии являлись действенными структурными звеньями ингушского общества рассматриваемого времени. Они владели разными по величине, качеству и местоположению землями, большим или меньшим количеством скота, некоторые из них могли проживать на важных торговых путях и т.д. В результате одни богатели, другие, напротив, развивались медленнее, попадали в зависимость от первых. Так появились «сильные» и «слабые» фамилии, и первые становились своеобразными «феодалами».

После присоединения Ингушетии к России многие «сильные» фамилии, за которыми соплеменники не признавали сословных прерогатив, пытались при поддержке местной администрации добиться признания своего особого положения. Доверенные от Джейраховского общества в 1862 г. обратились в комиссию по разбору личных и поземельных прав туземного населения с просьбой разобрать их особые права по происхождению⁴. Часть жителей указанного общества ставила вопрос о рассмотрении их сословных прав отдельно от остальных жителей. Из этого документа следует, что часть ингушей желала отделиться от соплеменников, которые не признавали за ними сословных привилегий. Отсутствие сословных прерогатив в ингушском обществе в 1865 г. отмечала и Комиссия по разбору личных и поземельных прав туземного населения Терской области. В отчетах комиссии говорилось, что ингушское общество устроено на демократических началах:

---

³ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // Известия Северо-Кавказского краевого НИИ. Владикавказ, 1934. Вып. II. С. 308.

⁴ Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Характер сословных отношений в Горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. С. 127.

«Привилегированных сословий нет, все свободны, пользуются одинаковыми правами, рабов нет; землю пользуются на правах общинного владения, и хотя между ними существуют известные фамилии, но все они выдвинулись из толпы заслугами гражданскими или военными доблестями; не пользуются никакими иными правами, кроме уважения, приобретенного исключительно умом и личными достоинствами каждого члена»⁵.

Социальная дифференциация

Обстоятельно обследовавший Кавказ в 1770-х гг. И.А. Гильденштедт писал: «У ингушей нет знати, но имеются некоторые издавна известные роды: Мацеки, Боза, Чев и Пшанув, из которых они, как свободный народ, выбирают себе говорящего старшину и судью»⁶. Исследователи Ингушетии спустя 100 лет, в 1868 г., отмечали, что ингушское общество не «выработало у себя понятия о сословном делении вообще и крепостных отношениях в особенности, и потому здесь не было зависимых сословий...»⁷ В связи с этим Б.К. Далгат писал, что ингуши не терпят сословности и любят равноправие. Народное приращение гласит, «что некогда жители всех горных обществ собрались и совещались, не принять ли им приехавшего в это время к ним князя из Дагестана и не избрать ли его себе в князя, чтобы он правил всеми ингушами; почти все решили было избрать себе князя; в это время явился почтенный старик из Мецхальского общества с седой бородой, с посохом в руке, подпоясанный широким поясом из ослиной шкуры с висевшими на нем ослиными ушами, и обратился к народу со словами: “О братья! Посмотрите на меня и скажите, идет ли мне этот пояс с ослиными ушами или нет?” “Нет, не идет!” — отвечали все смеясь. “Так, знайте же, что, как этот пояс, так точно не пойдет нам, ингушам, привыкшим жить вольно, свободно и самостоятельно, князь; не привыкли мы угождать и повиноваться воле одного человека!” — “Правда твоя!” — закричали все и отказались от своего намерения»⁸.

⁵ *Безпристрастный П.* Наблюдения и заметки // ТВ. 1907. № 5.

⁶ *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 240.

⁷ *Ипполитов А.И.* Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о Кавказских горах. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 37.

⁸ *Далгат Б.К.* Материалы по обычному праву ингушей. С. 313.

Несмотря на то что в процитированных источниках отмечается отсутствие у ингушей сословий, существуют свидетельства, в которых указывается на высокий уровень развития социальной дифференциации местного общества. Наличие сословий являлось инструментом управления горскими племенами Кавказа — правительство опиралось на местную верхушку, всячески поощряя ее. Так, в 1876 г. сорок восемь ингушей, состоявших на военной службе, получили в дар значительные участки земли в Терской области⁹. Спустя десять лет некоторым из них был дарован дворянский титул¹⁰. Нужно отметить, что присвоенные им титулы так и остались на бумаге, так как их в обществе воспринимали как равных, но относились с почтением за их заслуги перед правительством. Они были уважаемыми людьми, но не более того.

Хотя официально признанного сословного деления в ингушском обществе не было, там существовала категория зависимых людей. Об этом свидетельствуют материалы письменных источников, где отмечается наличие рабов — *лейи* (ед.ч. *лей*). Рабы представляли собой зависимое сословие, которое формировалось путем захвата людей, чаще всего иноплеменников. Такие люди не занимались военным делом и не допускались к управлению, из них образовывались «слабые фамилии».

Причины появления рабов у горцев Северного Кавказа С. Броневский видел в том, что «при случае распрей одного колена с другим позволено обычаем взаимные набеги на неприятельские земли делать, небольшими толпами или поодиночке, захватывая людей и скотину в баранту, т.е. в отмщение за претерпевшую обиду. Сия домашняя война доставляет множество пленников, из коих знатные и выкупаются родственниками; прочие отправляются для продажи или остаются рабами и употребляются во всякую домашнюю работу, наиболее же определяются в пастухи»¹¹.

По данным Военно-горского управления при Кавказском округе за 1863 г., в Ингушетии насчитывалось 294 человека в рабском положении¹².

---

⁹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 21. Д. 57. Л. 27.

¹⁰ Списки потомственным дворянам не казачьего сословия, проживающих в Терской области, утвержденным в сем достоинстве правительствующим Сенатом и записанным в дворянскую родословную книгу Ставропольской губернии // ТВ. 1908. № 65.

¹¹ *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 309.

¹² *Вартанетов А.С.* Проблемы родового строя чеченцев и ингушей // СЭ. 1932. № 4. С. 87.

Н. Харузин писал об ингушах, что они отличаются от соседних народов тем, что не имеют сословий. Несмотря на это, он отмечал: «Ингушское общество делилось в прежние времена на два класса: на свободных и рабов. Рабы добывались войной и наездами, большею частью из числа грузин, тушин и отчасти русских. Положение рабов не было одинаково: одни из них (“ясир”) могли быть выкуплены и, если хотели, могли возвратиться на родину; другие (“лаи”), забывшие свое происхождение и религию, делались неотъемлемою собственностью своих господ»¹³. Распространенность именно такого рода рабства отмечал и Стрельницкий¹⁴. Позднее Б. Далгат отмечал, что «из среды самих ингушей вовсе не было рабов. Родственники жестоко мстили за продажу в рабство их детей»¹⁵. Таким образом, основываясь на наших источниках, мы можем констатировать, что рабство имело место, но не было распространенным явлением.

Из вышеизложенных материалов следует, что в ингушском обществе социальные различия существовали. Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, изучавшие социальные отношения в горной Ингушетии, отмечали, что «отсутствие государственности в полном смысле этого слова мешало юридической фиксации сословного деления, без чего социальные различия не могли сложиться в систему правовых норм, характерную для развитого феодального общества»¹⁶.

Традиционная система управления обществом

Общественные отношения и жизнь всего общества регламентировались национальными традициями. Ведущая роль в жизни народа принадлежала обществам, состоявшим из представителей различных сильных родов — *тайнов*.

Каждый *тайн* возглавлял старейшина, который пользовался большим уважением. По Л.Л. Штедеру, карабулаки имели «“демократическую конституцию” и общественные дела решали голосованием на общих собраниях...»¹⁷ Я. Рейнеггс отмечал, что ингуши, занимавшие должность старшины, стремились сделать ее переходящей по наслед-

---

¹³ Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // ССТО. М., 1888. С. 116.

¹⁴ Стрельницкий. Два узденя // Кавказ. 1846. № 20.

¹⁵ Далгат Б. Родовой быт чеченцев. С. 32.

¹⁶ Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Указ. соч. С. 126.

¹⁷ [Stüder.] Tagebuch einer Reise Die im Jahr 1781 von der Grenzfestung Mozdok nach dem inner Caucasus unternommen worden // Neue Nordische Beyträge. St. Petersburg; Leipzig, 1797. P. 55.

ству¹⁸. Юлиус фон Клапрот сообщал, что ингуши «имеют старших в роду без власти, которые могут управлять только красноречием и доверием. Законы и покорность им чужды, и все у них решается по древним обычаям»¹⁹. С. Броневский в начале XIX в. дает такую характеристику: «Ингуши разделены на малые независимые общества под управлением выборных старшин, которые, будучи избираемы из богатейших родов, и по причине частого повторения выборов из этих же семейств, обыкновенно присваивают себе права старшинские от отца к сыну наследственно. Они же исправляют и жреческое звание»²⁰. И. Бларамберг писал, что «старейшины, наиболее прославившиеся своей удачливостью (богатством) или своею многочисленной родней, поддерживают единодушие в обществе (в общине). Кстати, их влияние на людей более значительно в долине, чем в горах, где всеобщая бедность сама собою поддерживает равновесие. <...> Главы родов у них не обладают реальной властью, красноречие и уверенность — это единственное, что может иметь влияние над ними. Законы и повиновение им неведомы, все у них решается в соответствии с древними обычаями»²¹. По Н. Дубровину, старейшина являлся «начальником, судьей и первосвященником»²². Схожие сведения имеются и в работе Ч. Ахриева, который отмечал, что «жители всегда выбирали из своей среды отличнейших по своему уму, богатству, а не исключительно по происхождению людей и передавали им право судить и производить расправу»²³. Он также писал, что выборные лица свое окончательное решение не могли выносить без согласия старейших членов общества.

Управление общиной осуществлялось сельским советом старейшин, который назывался *пхье*. В каждом населенном пункте имелось определенное место схода, которое называлось *пхегла*, представлявшее собой площадку, наиболее удобную для собраний.

---

¹⁸ *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung der Kaukasus. Gotha; St. Petersburg, 1797. P. 40.

¹⁹ Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 и 1808 годах, содержащее полное описание Кавказских стран и ее жителей, Юлиуса Клапрота. Галле; Берлин, 1814. Т. 2.

²⁰ *Броневский С.* Указ. соч. С. 163–164.

²¹ *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Ставрополь, 1992. С. 216.

²² *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. С. 369.

²³ *Ахриев Ч.* Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Тифлис, 1875. Т. VIII. С. 4.

Хозяйственные, общественные, судебные дела общины решались на общем сходе *кхел*, на котором должны были присутствовать все мужчины каждой семьи. Но с введением положения о «сельском управлении» в 1860-е гг. на заседании присутствовал только один представитель «от двора». *Кхел* регулировал пользование общинным лесом, устанавливал порядок выпаса скота, сроки пахоты и сенокосения, производил примирение кровников, решал вопрос об устройстве дорог, мостов, каналов и пр.²⁴

Первое и очень подробное описание «народного собрания» ингушей содержится в материалах П.Г. Буткова. Он в 1820-е гг. со слов осведомленного российского офицера сообщал, что возглавляет «общенародное правление», всенародно избранный старик, которого именуют *бегал*. На его содержание каждый двор в год выделял одного барана и короб меда, в праздники ему приносили брагу и мясо. «Он из сих доходов своих угощает других стариков, а три раза в год должен угощать все общество. Общество нанимает еще на год так назвать вестника, который каждого дня утром и вечером является к беголу на случай каких-либо его приказаний и за то получает с каждого дома проса по одной мерке, почти равняющейся на вес пуду.

Когда представляется надобность в общенародном собрании (или в случае тревоги, или в других вопросах), бегол объявляет вестнику для созыва скакать верхом по всем деревням и на сборном каждой месте, <...> криком возвещает, чтоб все в такое то время в собрание явились.

В собрание является обыкновенно один человек из семейства, старик или молодой, кто случится дома; всякий вооружен. Впереди садятся на запад, поджав ноги, старики одной деревни, плотно один к другому; к ним таким же образом примыкают старики других деревень — и составляется круг; а позади стариков сидят молодые тех же селений, и делится круг по мере количества народа, стекшегося на собрание, вдоль и три ряда. Каждый человек держит против собою заряженное ружье»²⁵.

Совет страны (Мехк-кхел)

Верховным органом управления был Совет страны — *Мехк-кхел*, исполнявший законодательную и судебную власть. Для участия в засе-

---

²⁴ Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Хасбулатова З.И., Чахкиев Д.Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей. Грозный, 1990. С. 61.

²⁵ Бутков П.Г. Из описания ингушей // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 12; ЦГВИА. Колл. 482. Д. 192. Л. 150–153.

дании Совета страны созывались общие собрания всех совершеннолетних мужчин сельской общины (кроме рабов).

На Совете рассматривали «вопросы, касающиеся различных областей жизни традиционного общества, межродовые конфликты, дела об убийствах, ранениях, оскорблениях, похищениях невест, ссорах из-за имущества и дела о воровстве также разбирались на общественных сходах. Разбору в Мехк-кхел подлежал довольно широкий круг вопросов. На нем старшины решали дела, связанные с землевладением и землепользованием, определяли меру наказания за различного рода нарушения норм общественной жизни, устанавливали цены на определенные товары, скот. Они решали также вопросы укрепления поселений, взаимоотношений с соседними обществами, войны и мира, проводили сбор средств для общественных нужд и т.д.»²⁶.

М.А. Иванов отмечал, что «для решения всяких спорных дел и установления условий собирались в то время наши почетные старики — представители племен ингушей, карабулаков, чеченцев, мелхастинцев и даже отдельные тушины и хевсуры на граничной горе (*Муйты-кер*). Со стороны Аккинского общества на склоне этой горы есть большой плоский камень, который служил как бы трибуной для председателя таких совещаний представителей, а имя его было *Муйты*»²⁷. Анонимный автор, использовавший псевдоним «Галгай», сообщал, что «народ галгай делится на отдельные фамилии и по обычаю, в республиканском духе, одна из нескольких фамилий признавалась главою вечного союза галгайцев, а аулы этих фамилий признавались сборным местом. Такими сборными местами у народа галагай являлись: в ущелье реки Ассы — аул *Угу-Кал*, а в ущелье реки Галми — аул *Онушта*. В первом происходили сборы в случае внешней опасности с юга — со стороны Грузии — и с востока — со стороны Чечни, а во втором в случае такой же опасности с северо-запада — со стороны карбардинцев, кумыков и осетин»²⁸.

Мехк-кхел состоял из судей (*кхлахой*), досконально знавших обычное право, имевших в народе авторитет и обладавших даром ораторского искусства. Каждое общество имело своих судей.

---

²⁶ *Мужухоева Э.Д.* Организация управления Чечено-Ингушетии в 40–60-е гг. XIX века // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII — начало XX в.). Грозный, 1982. С. 68–69.

²⁷ *Иванов М.А.* В горах между р. Фортангой и Аргуном // ИКО ИРГО. Тифлис, 1904. Т. XVII. Вып. 1. С. 49.

²⁸ *Галгай.* О галгаях // Кавказский горец. Прага, 1924. С. 49.

Традиционный общественный быт регулировался обычным правом — адатом — и мусульманским правом — шариатом. Исследователь ингушского быта начала XX в. профессор Н.Ф. Яковлев отмечал: «Ингуши любят судиться друг с другом по всем правилам и обычаям старины. По сравнению с нами, русскими, привыкшими в судебных делах полагаться на государственный суд и защитников-адвокатов, ингуши — большие знатоки разных тонкостей этого дела, и часто простой горец-ингуш для защиты своей выгоды пускается на такие увертки, которые сделали бы честь любому нашему “юрисконсульту”, ученому советчику по судебным делам»²⁹.

Присяга

Большое значение при судебном разбирательстве имела присяга. Присягали ингуши во всех уголовных, а также иногда и в гражданских делах. Судебное разбирательство велось на основе адата — обычного права, а со второй половины XIX в. и на основе шариата — мусульманского права. А.М. Шёгрэн отмечал, что клянутся и присягают именем тех святых, которых они почитают, «ингуши присягают и клянутся на берегу Сухого оврага Бушмале, под дубом, разбитым молнией»³⁰. Лицо, подозреваемое в совершении преступления, могло «очиститься» присягой. По Ф.И. Леонтовичу, «одна из самых главных и употребительнейших юридических функций в туземном судопроизводстве — присяга; но, к сожалению, туземная присяга едва ли заслуживает большой веры»³¹. Присяга считалась доказательством невиновности, если вместе с подозреваемым в преступных действиях лицом присягу давали уважаемые в обществе люди из рода подозреваемого — «соприсяжники»³². Ч. Ахриев писал: «Ингуши прибегают к присяге в тех случаях, когда подозревают кого-нибудь в воровстве или краже. Так, например, если у кого пропадет бык, тот требует от заподозренного очистительной присяги, мало того, при этом должны присягать еще несколько соприсяжников в том, что он, подозревае-

---

²⁹ Яковлев Н.Ф. Ингуши. Популярный очерк // Ингуши. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. Саратов, 1996. С. 244.

³⁰ Шёгрэн А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при различных случаях // Кавказ. 1846. № 28.

³¹ Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. 1. С. 161.

³² Ахриев Ч. Нравственное значение присяги у ингушей // ТВ. 1871. № 21.

мый, действительно не виноват в данном воровстве. Если же подозревается не одно лицо, а несколько, то от каждого из них требуется тем же порядком клятва с компанией. В результате выходит, что по поводу пропажи какого-то быка или овцы десятки ни в чем неповинных лиц вынуждены бывают напрасно произносить имя Бога, что, по понятиям всех горцев, составляет великий грех. А между тем уклониться от присяги нет никакой возможности, так как по обычаю отказывающийся от нее признается виновным в совершении именно того преступления, по которому требуется от него присяга.

Прежде, в языческие времена, у ингушей существовала другая церемония присяги. Хозяин пропавшего скота или имущества, приготовив араку (род водки) и зарезав барана, приглашал подозреваемого со всеми его родственниками к себе в дом и, угостив их как следует, отправлялся затем вместе с ними на фамильный свой каш³³. Туда же стекались все вооруженные родственники хозяина. Когда таким образом прибывали на место все, кому следовало быть там по обычаю, обвязанный присягою вешал к себе на спину свою дау³⁴, в которую клали различные принадлежности женского рукоделия, а также некоторые части земледельческих орудий, потом ему надевали на шею веревку и обводили три раза кругом каша. Требовавший присяги произносил при этом следующие слова: “Да будете вы мне, солнце, луна и такой-то (называя по имени самого лучшего человека из живых) на этом свете, а на том свете такой-то (называя лучшего человека из мертвых) свидетелями, что он (указывая на принимавшего присягу) приносит мне присягу в незнании и неведении случившейся у меня кражи”. После этого заклинания один из родственников хозяина говорил так: “Если ты принимаешь присягу ложную, то да перенесутся на наших родственников, покоящихся в этом каше, все те поминки, какие ты и твои праотцы сделали для своих покойников; да будешь ты сам вечным прислужником нашим покойникам”.

В то время, когда присягавшего обводили вокруг каша, а также во время произнесения этих словесных формул, присутствующие родственники хозяина стреляли из ружей. Этим они как бы давали знать народу, что такой-то человек дает присягу по поводу произведенного у одного из членов их фамилии воровства. По окончании шествия вокруг каша присягавший снимал с себя дау, а окружавшие его лица,

---

³³ Каш — гробница. — *Прим. Ч. Ахриева.*

³⁴ Дау — корзина, сплетенная из хвороста и служащая собственно для ношения соломы с гумна. — *Прим. Ч. Ахриева.*

в том числе и хозяин, говорили при этом: “Да снимается с тебя всякая ответственность, как перед покойниками, так и перед живыми людьми, если ты принимал присягу невинно”³⁵. Смысл подобной присяги заключался в том, что дававший ложную присягу отнимал у своих покойников все, что сам он или родственники его сделали для них. По существовавшим представлениям, это было величайшим несчастьем. Поэтому редко кто решался присягать перед *кашом* ложно.

Присяга у святилища «совершалась преимущественно по предложению суда медиаторов или посредников (третейских судей). К ней прибегали в крайних случаях, когда все прочие средства (просьбы, увещевания, присяга у каша и т.п.) были исчерпаны», — писал Б.К. Далгат³⁶. Вера в святость и могущество святого (*Цу*) была так сильна, «что присягающий, если хоть немного не был уверен в своей правоте, ни за что не решался на присягу у святилища и весь дрожал от страха перед карой божества. Если родственники были не уверены в правдивости обвиняемого, они просили его сознаться в своей вине, «чем подвергать себя и всех их великому несчастью. Они предпочитали собственное разорение и обещали ему, если он сознается, принять на себя уплату искомого имущества или возмездие за преступление»³⁷.

На принявшего ложную присягу ингуши смотрели как на проклятого Богом и всеми святыми. Ч.Э. Ахриев отмечал, что встречу с таким человеком «считали знаком несчастья, потому путники, узнав на дороге, что им предстоит встреча с таким присягателем, переменяли направление или же возвращались домой»³⁸.

Суд по адату существовал и после включения Ингушетии в состав России, так как не сразу были организованы судебные органы, и многие спорные вопросы рассматривали в *Мехк-кхел*. Постепенно общество начало признавать и российское законодательство, оказавшее существенное влияние на многие стороны их древнего права, в частности уголовного. Оно было направлено прежде всего против обычая кровной мести, имевшего широкое распространение в ингушском обществе.

---

³⁵ Ахриев Ч. Присяга у ингушей // ТВ. 1871. № 20.

³⁶ Далгат Б. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004. С. 113.

³⁷ Там же. С. 114.

³⁸ Ахриев Ч. Присяга у ингушей. С. 175.

Кровная месть

Мстили и подлежали кровной мести все ближайшие родственники по отцу — члены патронимии, хотя кровниками признавались все члены фамилии.

Л.Л. Штедер писал, что ингуши и карабулаки так же, как и все народы Кавказа, соблюдают обычай кровной мести³⁹.

Очень интересные сведения содержатся в рапорте генерал-майора И.К. Ивелича генералу А.П. Торماسову об убийстве ингушским старшиной Шах-мурзой тагаурского старшины Дударуко Дударова за невыполнение Дударовыми законов кровной мести. Это наглядно иллюстрирует то, что, находясь в ярости, кровники не щадили ни женщин, ни стариков, несмотря на противоречие подобных действий адату. В документе сообщалось, что сын ингушского старшины жил в семье Дударовых 3 года «для усмирения крови», но был убит ими. Отец, чтобы соблюсти закон кровной мести, убил Дударуко Дударова. Преследуя кровника, Дударовы, не застав его в башне, убили находившихся там старуху-родственницу и его сестру. А.П. Тормасов писал, что «обыкновение мстить за кровь простирается иногда по 20 и более лет»⁴⁰. Этот страшный обычай приводил к гибели целые семьи, а в редких случаях — и фамилии. Те же сведения приведены в повести Стрельницкого, которая знакомит нас со страшными последствиями кровной мести, длившейся не одно десятилетие и приведшей к гибели всех членов целого рода⁴¹.

По П.Г. Буткову, «убийца, желающий примириться с родственниками убиенного для избежания мщения, приходит к беголу, просит его о примирении, доколе же собрание не решит его дело, находится безотлучно в доме бегола, коего жилище мстителем неприступно. То же самое, ежели убийца был в побеге за пределами Отечества, прибежит в дом к беголу, может в оном быть от всех поисков безопасен до народного решения»⁴².

Н.Н. Харузин писал, что кровная месть распространяется не только на самого убийцу, но и на весь его род. Женщина-убийца не подвергается преследованию со стороны родственников убитого — месть

---

³⁹ [Städer.] Tagebuch einer Reise die in Jahre 1781 von Grenzfestung Mozdok nach dem inner Caucasus unternommen worden. St. Petersburg; Leipzig, 1797. С. 17, 37.

⁴⁰ АКАК. Т. IV. Д. 628. С. 457.

⁴¹ Стрельницкий. Указ. соч.

⁴² Бутков П.Г. Указ. соч. С. 13; ЦГВИА. Колл. 482. Д. 192. Л. 150–153.

в этом случае переходит на ее родственников. Далее автор отмечал, что некоторые ингуши идут на примирение с родом убийцы «ради Бога и пророка Магомета»⁴³. Это явление чаще было распространено в семьях, отличавшихся религиозностью и готовых на подобный поступок ради Аллаха. Такого рода примирение считалось самым богоугодным из всех способов примирения, независимо от того, кто, когда и как совершил убийство. Все уплаченное в знак примирения с кровниками считалось «похоронной» платой. По Ф.И. Леонтовичу, «за всякое же убийство, как нечаянное, так и намеренное, убийца в Галгаевском обществе (в Назрановском и Горском участках) платит 12 “похоронных” коров (*хелюм*), в Карабулакском — 3 коровы (*агер мерчи*, т.е. жертву на саван) и преследуется кровной мстью, распространяемой на его родных братьев, дядей и племянников по мужской линии. Означенную степень родства обычай принимает и в делах по денежным обязательствам»⁴⁴. Как видно из вышеизложенного, «похоронная плата» не освобождала убийцу от кровной мести.

О том, как можно было избежать кровной мести, подробно описал Б. Далгат: «Кровь родственника должна быть непременно отмщена. Никакие молитвы, подарки, посредничество почетных людей — ничто не может принудить чеченца (ингуша. — М.А.) отказаться отомстить убийце его родственника; долг религиозный стоит в его глазах выше всего, убийца должен погибнуть от руки родственника убитого. Единственным средством избавиться от мести являются приобщение убийцы к культу семьи убитого. Убийца тайком пробирается к матери убитого и с ее согласия или при помощи насилия прикладывает губами к ее груди. После этого он становится молочным братом убитого, т.е. роднится с ним, и таким образом избавляется от мести как член того же рода»⁴⁵. Избежать кровной мести можно было еще одним способом, взяв в руку надочажную цепь в доме убитого, о чем писал Б. Далгат. Любой убийца, забежав в чужой дом, мог схватиться за надочажную цепь. После этого он становился родственником хозяина дома, и хозяин должен был разделить с ним участь убийцы. Такая семья принимала на себя бремя кровной мести, и с тех пор уже обе семьи преследовали кровники⁴⁶. Для сторон, желающих примириться, существовала фиксированная сумма, необходимая для уплаты. Так,

---

⁴³ Харузин Н.Н. Указ. соч. С. 119.

⁴⁴ Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 150.

⁴⁵ Далгат Б. Первобытная религия чеченцев и ингушей. С. 104.

⁴⁶ Там же.

в газете «Терские ведомости» за 1891 г. сообщалось, что для примирения враждующих сторон нужно было внести 310 руб., лошадь с полной сбруей и не менее трех голов рогатого скота, после чего в присутствии свидетелей родственники убитого давали клятву на Коране прекратить кровную месть против как самого убийцы, так и его родственников. В случае нарушения клятвенного обязательства кем-либо из членов семьи убитого похоронная плата возвращалась обратно⁴⁷.

Наиболее обстоятельное описание примирения кровников дает Б. Далгат: «Убийца, отрастив волосы на голове и бороде, без оружия, в изорванном платье, с бледным и исхудалым лицом и вообще с внешним видом, соответствующим предстоящему трагическому моменту, отправляется на могилу убитого и дает знать родственникам последнего, что он кровник с повинной головою в полном отчаянии с разбитым сердцем и слезами на глазах лежит на дорогой им могиле, вымаливая у Бога прощения. До прихода родственников убитого, которые умышленно тянут дело, подстрекаемые женщинами, кровник со своими родственниками ложится ничком на могилу, нанося себе побои кулаками, и горько плачет. Стыдно отказать такой смиренной и униженной просьбе. На помощь кающемуся являются старики и убеждают родственников убитого простить убийце его проступок. Если удалось привести родственников убитого к могиле, то с этого момента вражда прекращалась, убийца устраивал пир, и дело кончалось принятием его в род убитого посредством установления духовного родства между ними»⁴⁸. Пример, в основном соответствующий подобному сценарию, приводит и К.Б. Шетихин: «На кладбище на высоком месте закреплялся флаг, а вокруг кладбища ходили родственники убийцы с разноцветными флагами (белыми, красными, синими, желтыми и зелеными), совершая духовную процессию. В это время убийца лежит на могиле и громко кается в совершенном преступлении и просит у покойного прощения, а родственники убийцы ходят вокруг кладбища и поют молитву; ходатайствуют перед родственниками убитого о прощении и примирении кровников посредники из сторонних фамилий, такая церемония может продолжаться до трех дней»⁴⁹.

Сходом представителей ингушского народа в 1907 г. был принят приговор для искоренения существующего в обществе обычая кров-

---

⁴⁷ Похищение невесты у горцев Терской области // ТВ. 1891. № 51.

⁴⁸ Далгат Б. Первобытная религия чеченцев и ингушей. С. 105.

⁴⁹ Шетихин К.Б. Примирение кровников // ТВ. 1898. № 152.

ной мести. Собравшиеся отмечали, что «кровная вражда, причиняя неисчислимые бедствия населению, влечет к самоуничтожению как физическому, так и нравственному». Общество постановило прекратить навсегда обычай кровной мести как противоречащий учению Корана и всем без исключения кровникам из среды ингушей совершить между собой примирение до 1 июля 1907 г.⁵⁰

Однако приговоры не достигли поставленной цели, и обычай кровной мести оказался живучим. Так, Н.Я. Яковлев после поездки в Ингушетию в 1921 г. писал, что «кровная месть в настоящее время уже не распространяется на всю фамилию. <...> подвергаются преследованию, кроме хозяина вражды, еще и все мужчины зрелого возраста, родные и двоюродные, и их потомки. Остальные однофамильцы участия не принимают. Но фамильные племянники, происходящие от родных сестер отца, принимают участие»⁵¹.

Аталычество

Кроме обычая кровной мести, в Ингушетии существовал и институт аталычества, хотя и не имел широкого распространения, возможно, в силу неглубокой социальной дифференциации общества. Об этом явлении Б.К. Далгат писал, что «аталычество, или обычай отдавать ребенка своего на воспитание в чужой род, вдали от родины, столь часто практиковавшийся у черкесского племени, кабардинцев, пограничных с ними осетин и кумыков, последнее время заимствован плоскостными ингушами. Они теперь посылают своих детей на воспитание к соседним народам»⁵². Однако автор, скрывающийся под инициалами Вл. К-нь, приводит сообщение, подтверждающее существование аталычества и в горной Ингушетии. Из рассказа автора следует, что его знакомый ингуш, еще будучи мальчиком лет десяти, был отдан на воспитание в русскую семью в Моздоке, где он научился русскому языку⁵³. По свидетельству Ч. Ахриева, многие родители с большой охотой отдавали своих детей в русские семьи с той целью, чтобы их дети научились русскому языку⁵⁴. В воспоминаниях Т.В. и В.П. Пожидаевых о встречах с С.М. Кировым в г. Владикавказе в 1915 г. сооб-

---

⁵⁰ Ингушские народные приговоры // ТВ. 1907. № 97. С. 3.

⁵¹ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 574. Л. 16.

⁵² Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом. С. 52.

⁵³ К-нь Вл. Под Казбеком // Кавказский вестник. Тифлис, 1900. № 10. С. 100.

⁵⁴ Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушского народа // ТВ. 1872. № 32.

шалось, что Павел Александрович Караулов — присяжный поверенный — говорил, что его вырастил ингуш аталык⁵⁵.

В свою очередь, ингушский революционер Иналук Гайтиевиц Мальсагов учился и воспитывался в русской семье; Гапур Ахриев и его старшие братья воспитывались в семье русского врача революционера-демократа К.В. Борисевича⁵⁶.

Гостеприимство

Очень строго среди ингушей соблюдался обычай гостеприимства. Об этом Л.Л. Штедер писал, что они выставляют на стол все, что есть в доме⁵⁷. О гостеприимстве ингушей И. Бларамберг сообщал: «Жители долины более гостеприимны и приветливы по отношению к иноземцам (чужакам), чем те, что населяют высокогорные долины Ассы»⁵⁸. В одной из работ Н.Ф. Грабовского читаем: «Ингуши, как и вообще все горцы, гостеприимны. Для приема гостей мало-мальски зажиточный человек имеет особое помещение — кунацкую. Редкий ингуш, имея возможность, не угостит приезжего к нему. Он выбьется из сил, добудет барана, чтобы подать его гостю»⁵⁹.

По Б.К. Далгату, «гостеприимство у ингуша найдет всякий странник, кто бы он ни был, найдет убежище от врагов. Гостеприимство развито сильно, все лучшее подается гостю; сеют редьку, лук или что другое — ингуш говорит: “Это пригодится для гостя”, и так во всем»⁶⁰. Схожее фиксировал Вл. К-нь: выбивался из сил, стараясь, «как бы лучше меня угостить. С этой целью он раздобыл даже где-то козленка и велел изжарить его целиком на вертеле»⁶¹.

Очень подробное описание этого обычая имеется в рассказе А. Александрова: «Считаю нелишним познакомить читателя с гостеприимством горцев. Для встречи гостей у старшины все было уже приготовлено: зарезали двух баранов, пригласили почетных стариков,

---

⁵⁵ Архив Музея С.М. Кирова. Воспоминание Пожидаевых Т.В. и В.П. о встрече с С.М. Кировым в г. Владикавказе в 1915 г. V-92. Л. 1.

⁵⁶ Кудусова-Далакова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей (конец XIX — начало XX в.). Ростов н/Д, 2005. С. 59.

⁵⁷ [Städer.] Op. cit. S. 17, 37.

⁵⁸ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Ставрополь, 1992. С. 216.

⁵⁹ Грабовский Н.Ф. Ингуши // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 39.

⁶⁰ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 312.

⁶¹ К-нь Вл. Указ. соч. С. 95.

девушек и молодых джигитов, которые вместе с девушками сейчас же затеяли танцы»⁶². О живучести обычая гостеприимства сообщал Н. Яковлев: «Верность долгу гостеприимства еще сохранилась у ингушей от древних времен, когда этот обычай был единственным средством упрочения и развития торговли и сношений между отдельными племенами, и все еще занимает почетное место в ряду других достоинств, необходимых для местного “джентльмена” — человека, безупречного во всех отношениях»⁶³.

Сопутствующим атрибутом обычая гостеприимства было наличие у жителей как плоскости, так и горных местностей комнаты для гостей — кунацкой, по информации Г. Вертепова, содержавшейся «с большим порядком, чистотой, достатком и простором»⁶⁴.

Этикет

Принадлежность к определенной половозрастной группе определяла статус человека в семье, фамилии, в сельском обществе и его поведение среди других людей. Личные, индивидуальные отношения между членами «рода» почти целиком были обусловлены нормами, регламентировавшими отношения между старшими и младшими, мужчинами и женщинами, соплеменниками и чужаками. Даже в вопросах принятия пищи принадлежность к той или иной половозрастной группе имела значение, например, Ю. Клапрот отмечал, что старшие едят первыми и оставляют еду для младших⁶⁵.

Б. Далгат писал, что «сын перед отцом не садится вовсе — при посторонних людях; младшие перед старшими тоже; но по приглашению могут присесть в стороне, если нет при них близких родственников — старших или почетных стариков и гостей, а собралась просто толпа жителей. Женщины и девушки при мужчинах также не имеют права сесть; при встрече с совершеннолетним на дороге женщины встают, даже если едут на арбе, пока не скажут им: “Спасибо, садитесь”. Мать вообще дома у себя сидит, обедает ли сын или муж; мужчины обедают отдельно от женщин и раньше их; жена обедает после мужа в стороне; на пирах и празднествах сидят по старшинству, стар-

---

⁶² Александров А. Месь. (Рассказ из нравов и обычаев ингушей) // ТВ. 1905. № 272.

⁶³ Яковлев Н. Указ. соч. С. 15–16.

⁶⁴ Вертепов Г. Ингуши // ТС. Владикавказ, 1892. Вып. 2. С. 26.

⁶⁵ Клапрот Ю. Путешествие на Кавказ и в Грузию, предпринятое в 1807 и 1808 годах (Берлин, 1818) // Архивный вестник. Назрань, 2005. Вып. II. С. 53.

ших вводят в саклю, угощают раньше других и лучше других; по своему положению отец считается ближе всех к своим детям; но мать как мать все же ближе к сердцу детей; после родителей самыми близкими считаются братья и сестры; причем брат ближе, нежели сестра. Самым почетным гостем из всех родственников считается старший в роде. Жена старшего по возрасту пользуется со стороны прочих женщин и молодых мужчин, как старуха, большим почетом и уважением; в женских делах (свадьба, похороны и пр.) распоряжается более понимающая и деловая женщина в фамилии; в домашних делах все женщины самостоятельны; и старшей и распоряжающейся в делах (фактически) оказывают честь, дают дорогу, стоят при них, услуживают и т.д.; женщина ни лично, ни имущественно не пользуется самостоятельностью; она во всем подчиняется мужу; жена слушает и советы, и приказания близких родственников мужа (старших в особенности); иначе — позор для нее. В отсутствии мужа жена его безусловно слушается даже тестя или шурина и др.»⁶⁶. Почитание родителей и старших отмечал К. Борисевич⁶⁷.

По Ч. Ахриеву, «женщина, какими бы предрассудками она ни была разьединена от членов своей семьи, будет служить связующим элементом между ею и остальными членами семьи, и она в качестве жены, сестры и особенно матери непременно будет влиять на сына, дочь, брата и даже мужа. <...> Распространив это правило, мы можем сказать, что женщины как матери всегда имеют влияние на членов своей семьи, через это самое влияют и на весь народ»⁶⁸. Далее он писал, что «с наступлением совершеннолетия, т.е. в 14–15 лет, в жизни девочки происходит самый крутой поворот: ее уже не выпускают без надобности за порог своей сакли, заставляют работать столько же, сколько и взрослых женщин, и т.д.»⁶⁹.

§ 2. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Общественные отношения у ингушей в рассматриваемый период сохраняли некоторые архаичные черты, которые были характерны

---

⁶⁶ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 317, 311.

⁶⁷ Борисевич К. Черты православных осетин и ингушей Северного Кавказа // ЭО. 1899. № 1–2. С. 245.

⁶⁸ Ахриев Ч. Об ингушских женщинах // ТВ. 1871. № 31.

⁶⁹ Там же.